

Интервью

ИР Мы публикуем две очередные беседы. Первая – с *Майклом Буравым*. Майкл – декан факультета социологии университета Беркли (Калифорния). Но важнее другое. Он хорошо известен российским социологам, ибо много лет занимается именно Россией. Буравой – индустриальный социолог марксистского направления. Он не считает себя собственно экономсоциологом, но, несомненно, близок этому направлению. Вдобавок, в 2001 г. он вступил в интересные дебаты с экономсоциологами на страницах журнала *American Journal of Sociology*.

Наш второй собеседник – из Восточной Европы. Речь идет о ведущем специалисте по экономической социологии в Венгрии – *Дьерде Ленгеле*, который сделал очень многое для ее развития в Будапештском университете экономических наук. Вместе с Ричардом Сведбергом Ленгель также основал Исследовательскую сеть «Экономическая социология» в рамках Европейской социологической ассоциации. С тех пор сеть постоянно расширяется, а ее заседания на европейских конгрессах становятся все интереснее.

МАЙКЛ БУРАВОЙ. 17 сентября 2002 г.¹

Я ожидал Буравого в его собственном кабинете, который он любезно предложил мне использовать на время моего пребывания в Беркли. Майкл появился на пороге в шлеме с велосипедом в руках. Записывать интервью в его комнате оказалось невозможным (за стеной работал отбойный молоток), и нам пришлось перейти в его деканский офис в противоположном конце здания. По пути он утверждал, что строители-ремонтники работают «совершенно по-советски». И Буравой знает, что говорит. Он провел немало времени, проводя включенное наблюдение на заводах в Москве и Сыктывкаре в качестве простого рабочего.

* * *

– *Ваши исследования очень интересны и важны для экономсоциологов. Связываете ли Вы себя в какой-то степени с экономической социологией как особой исследовательской областью?*

– Думаю, да. Я социолог, и я изучал экономику. Так что так или иначе я должен быть связан с экономической социологией.

– *Что общего между Вашим подходом и экономико-социологическим подходом, и чем они различаются?*

– Мой подход – марксистский, а марксизм всегда перекликался с социологией, и особенно с экономической социологией, поскольку марксизм всегда был сосредоточен прежде всего на вопросах хозяйства. Можно даже предположить, что экономическая социология – своего рода реакция на возрождение марксизма в 1970-е и отчасти в 1980-е гг. Акцент в то время делался главным образом на проблемах трансформации производства, они стояли в центре капиталистического хозяйства (как, впрочем, и социалистического). А сейчас социология и экономическая социология все больше внимания уделяют исследованию обмена и рынков.

¹ Перевод М.С. Добряковой.

Мне кажется, что экономическая социология (я включаю сюда и институционализм) впитала многое из социологии Э. Дюркгейма. В частности, она исследует предпосылки существования рынков так же, как это делал Дюркгейм и как это позднее делал М. Грановеттер. Думаю, она многое почерпнула также из работ К. Поланьи. И наверное, своим статусом критической дисциплины экономическая социология обязана идее Поланьи об овеществлении [commodification]. Т.е. я не считаю, что это единственное, что исследователи взяли у Поланьи. Они позаимствовали, скорее, не присущее ему негативное восприятие рынка, а представление о перенасыщенной институтами [over-institutional] инфраструктуре, необходимой для функционирования рынка.

– *И понятие фиктивных товаров.*

– Совершенно верно.

– *Но современная экономическая социология в принципе занимается производственными рынками. Например, Хэррисон Уайт много писал о них. И новая книга Нила Флигстина, о которой мы недавно говорили, посвящена строению производства.*

– Вы имеете в виду «Архитектуру рынков»²?

– Да.

– Но ведь он не уделяет особого внимания тому, как люди производят товары, не правда ли?

– *Мне кажется, что под «производством» Вы понимаете нечто более узкое, а именно: «труд», «трудовые отношения».*

– В общем, да, акцент на производстве часто предполагает изучение именно трудовых отношений, отношений между капиталом и трудом. Я провожу достаточно грубое различие между производством и обменом (возможно, сейчас оно уже не принято). С одной стороны, есть производство, которое означает изготовление материальных вещей или предоставление услуг. А с другой стороны находится обмен, который играет решающую роль в процессе потребления, распределения и функционирования рынков. Я полагаю, можно провести различие между производством и обменом, или между процессом труда и рынками.

Поэтому я считаю, что нынешняя экономическая социология – это новое концептуальное образование. Да, конечно, Смелсер еще давно говорил об экономической социологии. Но та экономическая социология, которая формируется сегодня, и то, что в соответствующей новой секции Американской социологической ассоциации называется «экономической социологией», – это нечто новое. Я думаю, новым является именно этот акцент на проблематике рынков – в отличие от того, что мы называли производством, классовыми отношениями. И что складывало более марксистски ориентированную традицию.

– *В своей рецензии на книги Дэвида Старка, Ивана Селеньи и их соавторов³ Вы критикуете неоклассическую социологию и экономическую социологию за то, что они слишком привержены традиции не только Дюркгейма, но и М. Вебера.*

² Fligstein, N. *Architecture of Markets: An Economic Sociology of Twenty-First-Century Capitalist Societies*. Princeton: Princeton University Press, 2001.

³ Burawoy, M. Neoclassical Sociology: From the End of Communism to the End of Classes, *American Journal of Sociology* (January 2001). Vol. 106. No. 4. Pp. 1099-1121. М. Буравой рецензирует следующие книги:

– Верно.

– *А так ли это плохо – поддерживать связь с трудами признанных классиков социологии?*

– С моей стороны, в данном случае это была не столько критика, сколько попытка категоризации, наименования [labeling]. И думаю, она была верной. В обеих книгах имеет место недооценка опыта массы людей в условиях переходной экономики. Старк и Бруст, Йел и Селеньи говорят, что не ставили специально подобных ограничений, но в результате они действительно не обращались к исследованию опыта большинства населения. А я лишь подчеркнул ту трансформацию, которая произошла в их собственных взглядах. И Старк, и Селеньи начинали с наблюдения государственного социализма снизу. А теперь они взглянули на новые формы капитализма сверху. Я же склонен считать, что есть и другие способы это сделать.

Конечно, традиции, идущие от Дюркгейма и Вебера, весьма ценны. Моя же критика Старка, Селеньи и их соавторов касалась только того, что они просмотрели. В частности, в их рассуждениях больше нет исследований классов, в то время как раньше все они анализировали классовые отношения. Эти авторы отказались от своего прошлого и, похоже, были раздражены, когда я на это указал⁴.

– *Насколько я понимаю, Вы рассматриваете экономическую социологию с некоторого расстояния, несколько извне. Могли бы Вы назвать основные направления экономической социологии, как они Вам видятся? Например, проводите ли Вы четкую грань между традициями, идущими от Вебера и от Дюркгейма? Может быть, усматриваете какие-то другие размежевания?*

– Думаю, в значительной мере это традиция, идущая от Дюркгейма. А поскольку речь идет о Дюркгейме, то мы возвращаемся к теории Т. Парсонса и началу 1950-х гг. Я имею в виду, что, например, работа Джона Мейера о неoinституционализме⁵ насыщена идеями Парсонса. В ней рассматриваются проблемы конвергенции, легитимности, общего консенсуса и ценностей. В экономической социологии очень заметно влияние Дюркгейма. А если обратиться к работам авторов, исследующих власть и властные отношения, заметно также и влияние Вебера – здесь Вы правы. Но, думаю, оно менее сильно. И я не возьмусь сказать точно, кого бы я отнес к этой категории.

– *А сетевой подход? Он ведь отличается от обеих традиций?*

Stark, David, and Laszlo Bruszt. *Postsocialist Pathways: Transforming Politics and Property in East Central Europe*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

Eyal, G., Szelenyi, E. Townsley. *Making Capitalism without Capitalists*. L.: Verso, 1998.

⁴ Авторские отклики на рецензию М.Буравого см.:

Eyal, G., Szelenyi, I. and E.Townsley The Utopia of Postsocialist Theory and the Ironic View of History in Neoclassical Sociology, *American Journal of Sociology* (January 2001). Vol. 106. No. 4. Pp. 1121-1129.

David Stark And László Bruszt, One Way or Multiple Paths: For a Comparative Sociology of East European Capitalism, *American Journal of Sociology* (January 2001). Vol. 106. No. 4. Pp. 1129-1138.

⁵ Meyer, J. and Rowan, B. Institutionalized Organizations: Formal Structure as Myth and Ceremony, in: Powell, W. and DiMaggio, P. (eds.). *The New Institutionalism in Organizational Analysis*. Chicago: University of Chicago Press, 1991. p. 41-62.

– Признаться, я не понимаю всего этого ажиотажа по поводу сетей. Это эпифеномен, изучать сети для меня означает упустить реальность.

– Но, может быть, это иная реальность? Ведь Вы же не станете отрицать существование сетей?

– Да, конечно. Но дело в том, что сети, как мне кажется, нельзя объяснять через самих себя – это не теоретическая концепция. Факт нашей связи друг с другом требует какого-то фундаментального объяснения, определенной теории хозяйства. И не думаю, что сети как таковые способны предоставить подобное объяснение.

Есть интересная книга А.Саксениан [AnnaLee Saxenian] о Силиконовой долине⁶ – о том, как она сформировалась и выросла, о важности сетевых связей между инженерами. Но, думаю, самая интересная работа в этой области – о самобытности и локальности [originality and locality], т.е. о локальных хозяйственных системах – выполнена географами. Пожалуй, наиболее известны здесь работы Майкла Сторпера [Michael Storper]⁷. Он пишет о сравнительных преимуществах локальности, ходе торговли, некоммерческих взаимозависимостях [untraded interdependences]. Эти ресурсы, имеющиеся на локальном уровне – существующие как данность и фиксируемые в пространстве, – обеспечивают определенное видение сравнительных преимуществ.

– Раз речь зашла о книгах и статьях, могли бы Вы назвать какие-то самые важные работы для экономической социологии за последние два–три–четыре года?

– Как я уже говорил, очень интересной мне кажется работа географов. Что касается моей области исследований, то меня интересует переход от государственного социализма к различным формам капитализма и новых рыночных хозяйств. Среди книг, которые широко обсуждались и которые показались мне интересными, я бы назвал те самые две книги, на которые я написал рецензию. Именно поэтому я так много внимания им и посвятил. Я имею в виду книги Старка и Бруста, во-первых, Йела, Селеньи и Таунсли, во-вторых. Думаю также, что книга Дэвида Вудрафа [David Woodruff] о России совершенно удивительна⁸.

Мне кажется также, что лучшие экономико-социологические работы опираются не только на идеи Дюркгейма и Вебера, но и на идеи Поланьи – я уже говорил об этом. Появляются новые исследования его подхода, к нему вновь возник интерес. И с моей точки зрения, это одна из самых важных и интересных особенностей нынешней экономической социологии.

– Хорошо ли Поланьи известен в Соединенных Штатах? Мне казалось, его связывают скорее с европейской социологической традицией. Правда, я знаю, что Фред Блок

⁶ Saxenian, AnnaLee. *Regional Advantage: Culture and Competition in Silicon Valley and Route 128*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1994.

⁷ См., например: Storper, Michael. *The Regional World: Territorial Development in a Global Economy*. N.Y.: Guilford Press, 1997.

Storper, Michael and Robert Salais. *Worlds of Production: The Action Frameworks of the Economy*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1997.

Storper, Michael. *Industrialization, Economic Development and the Regional Question in the Third World: From Import Substitution to Flexible Production*. L.: Pion, 1991.

⁸ Woodruff, David. *Money Unmade: Barter and the Fate of Russian Capitalism*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1999.

недавно опубликовал новое издание «Великой трансформации» со своим предисловием и предисловием Дж. Стиглица⁹. Поланьи действительно столь влиятелен в США?

– Да, правильно, что Вы упомянули здесь Фреда. И еще я бы добавил работу Питера Эванса «Укорененная автономия»¹⁰. Ведь само понятие укорененности идет от Поланьи. И Грановеттер многое почерпнул у Поланьи. А о Селеньи вообще можно сказать, что Поланьи повлиял на всю его жизнь.

– *Ну, он же венгр (как и Поланьи).*

– Да, но Селеньи давно живет в Штатах. И идеи Поланьи оказали влияние на многих людей в США. Не думаю, что Дэвид Старк напрямую ссылается на Поланьи, но логика рассуждений у него порою схожая. Ведущие авторы почерпнули у него даже слишком много – тексты Поланьи являются классикой для каждого интересующегося экономической социологией. Потому что в них сочетаются, как я уже говорил, традиции, идущие от Дюркгейма, Вебера и Маркса. В них есть и элемент критики – он предлагает свое видение власти, свое видение отношений между государством, обществом и хозяйством. У него есть несколько оригинальных идей. Это весьма впечатляет. Думаю, здесь вы повсюду будете наткаться на идеи Поланьи в той или иной форме.

– *Да, это интересно. И наконец, последний вопрос: какие направления и темы исследований Вы считаете наиболее перспективными для экономической социологии и близких к ней дисциплин в ближайшем будущем?*

– Несомненно, переход от государственного социализма к капитализму. Мне кажется, здесь сделано уже много интересного. И будет сделано еще больше. Можно упомянуть дискуссию в «Американском социологическом журнале» [American Journal of Sociology] по поводу переходного периода в Китае, а также в Центральной и Восточной Европе. Это была чрезвычайно интересная, продуктивная дискуссия. Ее вел Виктор Ни [Victor Nee], но участие принимали многие авторы.

– *Вы говорили ранее, что в этой дискуссии почти не упоминалась Россия.*

– Действительно. Примечательным в дискуссии было то, что никто не представлял пример России, который, с моей точки зрения, является примером провала реформ. Все говорили о примере Румынии или Болгарии. Но ведь провал-то случился не у них. Думаю, люди должны будут переосмыслить свои теории в свете российского примера (точнее, будет хорошо, если они это сделают). Однако анализ России, похоже, не интегрирован в социологию и особенно в экономическую социологию, как интегрирован в них, например, анализ Китая. Россия всегда стояла несколько особняком, рассматривалась, скорее, как исключение. Но мне кажется, социология только выиграла бы, если бы она интегрировала в сферу своих исследований этот крайний случай – со столь необычной, уникальной историей. Конечно, это не подразумевает ее инкорпорирование в некую общую теоретическую схему.

– *Иными словами, Вы предложили бы своим студентам поехать в Россию?*

– Я никогда ничего не предлагаю своим студентам. Это одна из особенностей Беркли – ты здесь никому ничего не предлагаешь, даешь им делать то, что им хочется.

– *Но Вы, по крайней мере, пытаетесь им что-то подсказывать? Не отправлять куда-то, но вдохновлять на что-то?*

⁹ Polanyi, K. *The Great Transformation*. Boston: Beacon Press, 2001.

¹⁰ Evans, Peter B. *Embedded Autonomy*. Berkeley: University of California Press, 1995.

– Нет-нет, здесь так не принято. Это даже забавно.

Библиография

- Burawoy, M. Neoclassical Sociology: From the End of Communism to the End of Classes, *American Journal of Sociology* (January 2001). Vol. 106. No. 4. Pp. 1099-1121.
- Burawoy, M., et al. *Global Ethnography: Forces, Connections, and Imaginations in a Postmodern World*. Berkeley: University of California Press, 2000.
- Burawoy, M., and K. Verdery (eds.) *Uncertain Transition: Ethnographies of Change in the Postsocialist World*. Lanham: Rowman & Littlefield, 1999.
- Burawoy, M. Critical sociology: A dialogue between two sciences, *Contemporary Sociology* (January 1998). Vol. 27, No. 1.
- Burawoy, M., and J. Lukács. *The Radiant Past: Ideology and Reality in Hungary's Road to Capitalism*. Chicago: University of Chicago Press, 1992.
- Burawoy, M., and P. Krotov. The Soviet Transition from Socialism to Capitalism: Worker Control and Economic Bargaining in the Wood Industry, *American Sociological Review* (February 1992). Vol. 57, No. 1.
- Burawoy, M., et al. *Ethnography Unbound: Power and Resistance in the Modern Metropolis*. Berkeley: University of California Press, 1991.
- Burawoy, M., and K. Hendley. *Strategies of Adaptation: A Soviet Enterprise under Perestroika and Privatization*. Bala Cynwyd, PA: WEFA Group, Special Projects, 1991.
- Burawoy, M. Marxism as science: Historical Challenges and Theoretical Growth, *American Sociological Review* (December 1990). Vol. 55, No. 6.
- Burawoy, M. *The Politics of Production: Factory Regimes Under Capitalism and Socialism*. L.: Verso; N.Y.: Schocken Books, 1985.
- Burawoy, M. *The Contours of Production Politics*. Berlin: International Institute for Comparative Social Research, 1984.
- Burawoy, M., and T. Skocpol (eds.) *Marxist Inquiries: Studies of Labor, Class, and States*. Chicago: University of Chicago Press, 1982.
- Burawoy, M. *Manufacturing Consent: Changes in the Labor Process Under Monopoly Capitalism*. Chicago: University of Chicago Press, 1979.
- Burawoy, M. Constraint and Manipulation in Industrial Conflict: A Comparison of Strikes Among Zambian Workers in a Clothing Factory and the Mining Industry. Lusaka: University of Zambia, Institute for African Studies, 1974.
- Burawoy, M. The Colour of Class on the Copper Mines, From African Advancement to Zambianization. Manchester: Manchester University Press [for] the Institute for African Studies, University of Zambia, 1972.